

Уже близилась полночь, но в Вилле Превосходящего Меча по-прежнему ярко горели огни. Узкая тропинка перед домом была покрыта тонким слоем снега, к счастью, ещё не успевшего превратиться в лёд — он лишь слегка скользил под ногами. Белый Лань шла впереди, крепко держа Бай Сюань за руку и то и дело оглядываясь, чтобы та не поскользнулась.

Бай Сюань сжимала ладонь Белого Лань, которая от долгого пребывания на снегу стала немного прохладной, и послушно следовала за ней в Сад Жун, расположенный в восточной части виллы. Снег под ногами скрипел при каждом шаге. Стояли лютые морозы, травы и деревья давно увяли, но вокруг не чувствовалось зябкого одиночества — возможно, потому, что шаги Белого Лань были слишком лёгкими, а улыбка на её лице — слишком заметной, что на фоне мягкого сияния бесчисленных ярко-красных фонарей вдоль тропинки создавало ощущение согревающего тепла и нежности.

На самом деле Вилла Превосходящего Меча изначально находилась не в Ливучжоу, а в небольшом городке на юго-западной окраине. Пять или шесть лет назад, вскоре после рождения Бай Сюань, на Юго-Западе вспыхнула война. Кто-то поднял мятеж и затеял бунт, набрав огромную силу. Императорский двор направил туда крупные войска, и многие школы мира Цзянху отправили своих людей на помощь, особенно три главные секты, во главе которых стояла Вилла Превосходящего Меча.

Отец Бай Сюань, глава поместья Бай Вэньцзин, даже помышлял о том, чтобы оставить законную жену и новорождённую дочь и отправиться на поле боя. Однако он никак не ожидал, что нынешний император затаит на них те же мысли, что и на верных псов, которые после поимки дичи идут на суп: как только смута была подавлена, зашла речь об амнистии. После того как Бай Вэньцзин несколько раз вежливо отказался, власти расправились с женой и дочерью Бай Сюань, отправив людей взять их под стражу, чтобы шантажировать самого Бай Вэньцзина.

Благородное сердце Бай Вэньцзина, полное рыцарского духа, было остужено до предела. Вызволив жену и дочь, он перенёс виллу в Ливучжоу, покинув тот разрушенный войной обветшалый городишка.

Но Бай Вэньцзин не предполагал, что не пройдет и полмесяца с тех пор, как он устроился в Ливучжоу, как его законная жена тяжело заболит. Вдобавок к потрясению, пережитому за последнее время под арестом, её недуг оказался неизлечим, и она скончалась.

Бай Вэньцзин и его жена были глубоко привязаны друг к другу, и внезапное несчастье повергло его в отчаяние. Однако груз ответственности на его плечах был слишком тяжёл, а дома о нём заботы ждала крошечная дочь, которую еще нужно было кормить грудью. Ему оставалось лишь уговаривать себя загнать эту боль как можно глубже в сердце. Поскольку любимым местом покойной жены был тот самый маленький садик в родном доме, обосновавшись в Ливучжоу, он приказал людям восстановить сад на вилле по прежнему плану. Покойную жену звали Лань Жун, и он назвал сад её именем, чтобы сохранить память о ней.

Каждый раз во время праздников в Саду Жун зажигали пестрые стеклянные фонари, снег на ступенях и под карнизами не убирали, а под сливовым деревом оставляли кувшин вина,

сваренного в это же время в прошлом году — в надежде, что ушедшая красавица вернется и отведаёт его.

Тоскуя по Лань Жун, Бай Сюань временами тоже заглядывала сюда. Впрочем, это была лишь привычка книжной героини, а не самой Бай Сюань, поэтому после перемещения в этот мир она бывала здесь не так часто.

Белый Лань по-прежнему хранила интригу и, улыбаясь, не давала ответа.

Бай Сюань оставалось лишь подобрать полы длинного платья и медленно полезть вверх. Хотя стена была высокой, она всё же занималась боевыми искусствами под руководством наставника несколько дней: пусть тонкости движений ей давались плохо, выносливость была отменной, и она без труда забралась вверх.

Белый Лань поправила лестницу и с улыбкой позвала Бай Сюань подниматься. Бай Сюань с деланным простодушием спросила: — Сестрица Лань, зачем мы сюда забрались?

Белый Лань, пожалуй, опасалась, что та предастся меланхолии, поэтому всю дорогу её взгляд практически не отрывался от спутницы.

Устроившись поудобнее, она повернулась и попыталась помочь Белому Лань подняться, но та покачала головой, сделала несколько шагов и легко запрыгнула вверх. Её движения были невероятно проворными. Бай Сюань не впервые видела, что Белый Лань сильна в боевых искусствах, но, глядя на её нынешнюю базу, она понимала: в будущем та пойдёт далеко. Теперь она была готова признать, что та злодейка из книги смогла схватить Белый Лань лишь из-за логической ошибки в сюжете.

Они обошли мимо сливовой рощи и дошли до самого конца сада. Напротив возвышалась белая стена, гребень которой был покрыт толстым слоем соломы, а у подножия стояла деревянная лестница — всё это Белый Лань приготовила заранее.

Вилла стояла на возвышении, а они сидели на стене, поэтому обзор открывался прекрасный: стоило бросить взгляд вдаль, как перед глазами представали усыпанные россыпью огоньков шумные улицы, чьи огни тонули в ночной дымке.

Немного передохнув, Белый Лань достала из-за пазухи небольшой кувшинчик размером с ладонь и протянула его Бай Сюань.

К кувшину была приклеена красная бумажная полоса, на которой размашистым, лихим почерком красовались три иероглифа: Цуйяньхун.

— Это я купила снаружи, вино уже подогрето. Сделай глоток, и сразу согреешься, а чуть позже будет ещё кое-что интересное. — Белый Лань вынула пробку, и в нос тут же ударил теплый

турок, смешанный с ароматом вина.

Бай Сюань была ещё мала, но Бай Вэньцзин отличался дерзким и свободным нравом, воспитывая дочь словно мальчика, и порой позволял ей пить мягкие вина. Бай Сюань обхватила кувшинчик руками и сделала глоток: на языке остался долгий винный аромат с легкой сладостью, напоминающий виноградное вино, которое она пила в прошлом.

Белый Лань не смела давать ей много вина. Почувствовав, что тело спутницы достаточно согрелось, она забрала кувшин и допила оставшееся в несколько глотков.

Ветер по-прежнему шумел за ушами, но Бай Сюань уже не чувствовала холода. Она придвинулась ближе к Белому Лань, прижавшись к ней, а та спрятала её руки в за пазухой.

Вскоре небо внезапно озарилось, следом раздался то приближавшийся, то удалявшийся гул, и по всему небосводу, словно дождь, брызнули фейерверки, переплетаясь с мельчайшими снежинками, ослепительно и ярко.

Бай Сюань сжала руку Белого Лань и повернулась к ней, заметив, как в глазах Белого Лань отражается сияние фейерверков.

В этот момент совершенно некстати раздался голос системы. Бай Сюань быстро отвернулась и уставилась на далёкое небо, чтобы Белый Лань не заметила её странного поведения, а сама мысленно заговорила с системой в море сознания.

Система по-прежнему звучала холодно и выдала Бай Сюань первое задание: — Защитить главную героиню и помочь ей благополучно дожить до церемонии совершеннолетия.

Бай Сюань растерянно моргнула: — До совершеннолетия у них вроде бы царила идиллия, неужели Белому Лань грозит опасность?

Система помолчала еще пару секунд. Неизвестно почему, но всякий раз, когда она умолкала, Бай Сюань отчётливо ощущала глубокое презрение — казалось, будь у системы человеческое тело, она бы непременно закатила глаза.

— Опасность подстерегает повсюду, и исходит она не только от тебя.

Однако это напоминание подсказало Бай Сюань одну вещь, которая вполне могла случиться с Белым Лань. Когда той исполнилось одиннадцать лет, Бай Вэньцзин внезапно отправил её в первобытный лес за тридевять земель от Ливучжоу, заявив, что там её обучению боевым искусствам будет способствовать некий могущественный наставник. Все вокруг считали главу поместья добрым и великодушным человеком, раз он так заботится даже о приемной дочери — так думала и прежняя злодейка, из-за чего в ее сердце именно тогда и зародилась зависть.

Прежнюю злодейку звали Бай Хуа, но после того как Бай Сюань перенеслась сюда, имя этой героини тоже изменилось — иначе Бай Сюань, пожалуй, и сама не пожелала бы ежедневно носить имя столь неприятного персонажа.

Узнав тогда, что Белый Лань отправляется на обучение к знаменитому мастеру, Бай Хуа всеми правдами и неправдами пыталась помешать ей и даже намеренно подсыпала Белому Лань какое-то зелье, лишь бы та осталась на вилле. Конечно, сейчас Бай Сюань поступила бы иначе, но ей тоже было необходимо сделать так, чтобы Белый Лань осталась. Только она одна знала, что Бай Вэньцзин вовсе не желал Белому Лань добра — он просто заметил, насколько та одарена, в то время как его собственная родная дочь была совершенно неспособна к боевым искусствам. Он лишь боялся, что после его смерти Белый Лань причинит вред его дочери.

<http://bllate.org/book/21820/2259015>